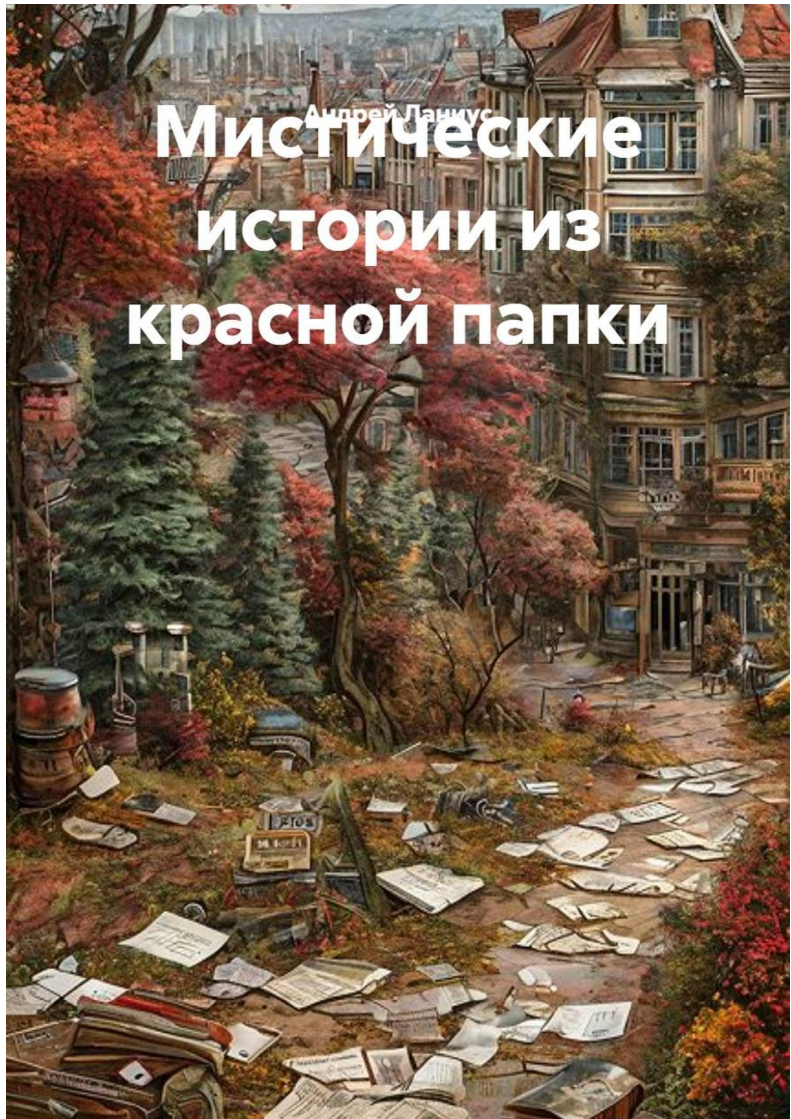

Андрей Лавикус

Мистические истории из красной папки

Андрей Ланиус

Мистические истории из красной папки

<https://litres.ru/66257652>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите верить, хотите нет, а происшествие это самое что ни на есть подлинное...

От автора. Когда-то мне довелось немало поколесить по стране, встречаться с самыми разными людьми. В те годы у меня выработалась привычка кратко записывать наиболее интересные из услышанных историй на отдельных листках, а те вкладывать в картонную папку малинового цвета. Папка эта постепенно пухла, так что ее тесемки уже едва сходились. Затем какое-то время эти наброски лежали без движения, а позднее и вовсе исчезли куда-то. Я уже и вспоминать о них перестал.

И вот совсем недавно, раскрыв пылившийся на антресолях футляр из-под выброшенной за ненадобностью пишущей машинки, я обнаружил внутри, к своему немалому удивлению, среди других бумаг и ту самую, малиновую папку.

Перелистывая пожелтевшие страницы, я подумал о том, что некоторые из намеченных сюжетов могут заинтересовать и современного читателя.

Содержание

Глава	4
«Черный квадрат» и его тайна	5
Валун-мститель	14
Африка в Северной Пальмире-2003	23
Когда я смотрю фильмы Хичкока...	30
Рай поэтов	35
Медная пепельница	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мистические истории из красной папки

Глава

От автора.

Когда-то мне довелось немало поколесить по стране, встречаться с самыми разными людьми. В те годы у меня выработалась привычка кратко записывать наиболее интересные из услышанных историй на отдельных листках, а те вкладывать в картонную папку малинового цвета. Папка эта постепенно пухла, так что ее тесемки уже едва сходились. Затем какое-то время эти наброски лежали без движения, а позднее и вовсе исчезли куда-то. Я уже и вспоминать о них перестал.

И вот совсем недавно, раскрыв пылившийся на антресолях футляр из-под выброшенной за ненадобностью пишущей машинки, я обнаружил внутри, к своему немалому удивлению, среди других бумаг и ту самую, малиновую папку.

Перелистывая пожелтевшие страницы, я подумал о том, что некоторые из намеченных сюжетов могут заинтересовать и современного читателя.

«Черный квадрат» и его тайна

Минувшим летом у меня гостил мой добрый старый знакомый из провинции, большой поклонник изобразительного искусства.

Вдвоем мы обошли все памятные места Северной Пальмиры.

Побывали и в Русском музее, куда, признаться, я давненько уже не заглядывал.

Некоторые залы мой спутник проходил, не замедляя шага, иные полотна окидывал рассеянным взглядом, у других застывал на продолжительное время.

Особенно долго он изучал картину Казимира Малевича «Черный супрематический квадрат».

Невольно его избирательный интерес отложился в моей памяти.

Позднее, когда мы покинули музей и направились в сторону Инженерного замка, я все же любопытствовал, чем именно вызваны его предпочтения.

Его ответ прозвучал неожиданно:

– Испытывал на прочность свою теорию относительно того таинственного воздействия, которое это полотно оказывает на многих творческих людей.

– Ясно, – кивнул я. – Первозданный мрак, потаенные

глубины мироздания, конец старого искусства, беззвездная мгла над Россией...

– Вовсе нет, – отмахнулся он. – Никакой мистики. Моя теория – вполне прагматического свойства...

И тут же, безо всяких настояний с моей стороны, он развернул передо мной эту свою теорию.

Должен признаться, что я лично далек от тех дискуссий, что вот уже без малого целый век ведутся вокруг самого знаменитого творения Малевича. Но кое-что о «Черном квадрате» читать доводилось. И восторженные восхваления, и язвительную критику.

Однако те выводы, о которых поведал мне мой друг, были для меня совершенно внове.

Вот почему, поразмыслив позднее о нашей беседе, я отважился все же положить ее на бумагу, хотя бы в самых общих чертах.

– Как известно, к моменту создания «Черного квадрата» Малевич был далеко не юноша, – приступил к рассказу мой приятель. – Кисть он впервые взял в руки в 11 лет. А в конце 1915 года, когда этот холст экспонировался на футуристической выставке, ему уже перевалило за 36.

То есть, за плечами была четверть века творческого стажа, сотни полотен, эскизов, рисунков, набросков, причем, в разных жанрах и стилях.

Вдобавок, обладая полемическим даром, он писал статьи и манифесты, выступал с докладами о новых веяниях в ис-

кусстве, о своем видении творческого процесса.

В определенных кругах его имя уже пользовалось известностью, но в целом художник Малевич оставался «одним из равных».

Многое изменилось после «Черного квадрата».

Публика была столь шокирована небывалой дерзостью живописца, что пересудов об этом акте эпатажа хватило надолго.

Прошло не так много времени, и Малевич стал европейской знаменитостью, а затем и мировой. Теперь он был уже не «одним из равных», а небожителем, гуру, учителем с большой буквы.

Именно благодаря успеху «Черного квадрата».

Кстати говоря, новая власть не слишком-то его и зажимала, напротив, периодически выдвигала на различные руководящие посты.

Даже в 20-30-е годы, когда советских художников, как и их полотна, выпускали за границу с немалым скрипом, у него состоялись выставки в Западной Европе – Берлине, Вене и, кажется, в Цюрихе.

Правда, с начала 20-х он сам надолго отложил кисть в сторону, увлекшись теоретическими работами, но в конце того же десятилетия снова обратился к живописи.

Теперь он больше трудился в реалистической манере.

Некоторые работы этого периода хорошо известны: тот же «Автопортрет», который называют творческим завещанием

мастера потомкам.

Но всё равно, ни одно из последних полотен не могло и в малой степени сравниться по успеху с «Черным квадратом»...

Тут я не удержался от реплики:

– Спасибо, что напомнил о фактах биографии Малевича. Но в чем же тайна, в разгадке которой ты преуспел, простояв четверть часа у полотна?

– Доберемся и до тайны, – успокоил он меня. – Должен отметить, – продолжал мой спутник, – что Малевич отнюдь не являлся первооткрывателем самой идеи «Черного квадрата».

Аналогичный по замыслу сюжет лет за двадцать до него воплотил на полотне француз Альфонс Алле – писатель, журналист, сатирик, художник, склонный к эксцентризму и абсурдистским выходкам.

Одна из его работ изображала тоже черный, только не квадрат, а прямоугольник.

Назывался этот, с позволения сказать, шедевр «Битва негров в глубокой пещере темной ночью».

Он экспонировался на выставке «Отвязанное искусство», кажется, в 1893 году.

Но и Алле, кажется, позаимствовал саму идею у кого-то из своих соотечественников.

– Между прочим, Малевич мог и не знать о предшественнике, – заметил я.

– Может и так, – кивнул мой приятель. – Ведь Альфонс Алле изначально задумывал свою галерею, как некую пародию на только-только входившую в моду эпатажность. Тут прикол, анекдот, хохма без каких-либо претензий на мировую славу. А пародии и хохмы, даже самые блестящие, как правило, сиюминутны. Сегодня они у всех на устах, а завтра, глядишь, о них уже забыли.

Но, перефразируя Наполеона: от смешного до великого – один шаг.

И этот шаг удалось сделать Малевичу.

Хотя его поклонники и утверждают, что художник вынашивал замысел «Черного квадрата» в течение пяти лет, а затем еще напряженно работал над полотном всё лето и всю осень, но, полагаю, тут мы имеем дело с очередным историческим мифом.

Лично я склоняюсь к другой версии, которая тоже имеет широкое хождение.

Малевич писал к выставке совсем другую картину, но, поняв, что не успевает к сроку, попросту закрасил ее, под влиянием внезапного порыва, черной краской.

Вот так и родилась на свет «лучшая картина 20-го столетия».

Сам Малевич, похоже, не возлагал на этот холст особых надежд, считал его проходным, делал наспех, ничуть не заботясь о сохранности «на века». В результате уже всего-то через 14 лет, в 1929 году, один из администраторов Третьяков-

ки обратился к художнику с просьбой написать копию «Черного квадрата», ввиду скверного состояния подлинника.

– То есть, успех «Черного квадрата» был всего лишь нечаянным подарком судьбы? – уточнил я.

– Да, благодаря редчайшему стечению обстоятельств, всё как-то очень точно сошлось в едином фокусе. Тревожная обстановка в стране и мире, общественный интерес к принципиально новым веяниям в живописи, «красный угол» в зале для «Черного квадрата», само «роковое» название полотна, экзальтированный интерес к нему со стороны «продвинутой» критики и прессы... Словом, сошлись все пять элементов, необходимых для успеха.

Признаться, я испытал легкое разочарование:

– Стечение обстоятельств? Так это и есть твоя тайна «Черного квадрата»?

– Погоди, еще не вечер...

– Я не отношусь ни к восторженным почитателям, ни к яростным хулителям «Черного квадрата», – снова заговорил мой спутник. – Однако же следует признать, что это полотно отмечено особой печатью судьбы.

Разве мало было в истории искусства эпатажных вещей, переживших шумную славу, а затем канувших в небытие?

Но геометрический рисунок Малевича и поныне, почти через век после его создания, не утратил своего загадочного магнетизма.

Он признан не только бунтарями от искусства, но и ма-

стерами академической школы, по крайней мере, какой-то ее частью.

Почему же творческие натуры находят в этом изображении, выполненном в максимально упрощенном стиле, проще уж некуда, некие многомерные глубины?

Вот и я озадачился поисками внятного ответа, и постепенно пришел к неожиданным для себя выводам...

Тут мой приятель выдержал должную паузу, после чего продолжал:

– Талантливым натурам, как правило, свойственно здоровое честолюбие, стремление к творческому успеху, к славе.

Да иначе было бы и странно.

В самом деле, художник ли, писатель, композитор, архитектор, создавая что-то новое, всегда надеется на то, что его детище заставит говорить и спорить о себе.

Увы, слава – дамочка своевольная, капризная и, вдобавок, коварная.

Она может обойти десятой дорогой того, кто, вроде бы, вполне ее достоин, кто трудится на своей творческой ниве как пчелка.

И напротив, слава может обласкать беспечного гуляку.

Перечитайте, не торопясь, историю «дружбы» Моцарта и Сальери, там кое-что об этом сказано.

– Да, но какое отношение к этим рассуждениям имеет «Черный квадрат»? – спросил мой друг и сам же ответил:

– «Черный квадрат» – это материализованное воплоще-

ние неожиданного и стремительного успеха, причем достигнутого крайне экономными, доступными средствами, без чрезмерного напряжения сил и в сжатые сроки!

Мировая слава картины стала сюрпризом и для самого Малевича, но когда это случилось, он создал еще три копии, отличающиеся рисунком, фактурой, цветом и размерами.

Кстати, то полотно, что мы видели в Русском музее, это второй вариант, самый большой по размеру, написан в 1923 году. Оригинал и третье повторение хранятся в Третьяковке, а четвертое – в Эрмитаже. Причем, тот холст, что висит в Русском музее, создавался Малевичем не самостоятельно, а при деятельном участии его учеников.

– Для копирования этой картины потребовалась помощь учеников? – удивился я.

– Возможно, ему, как Учителю, хотелось приобщить своих питомцев к собственной славе...

Мы немного прошли молча.

– Иными словами, ты полагаешь, – заговорил я, – что «Черный квадрат» – это своего рода «паровоз», посланный свыше, который вывез Малевича в особый мир, где царят признанные классики, и туда же доставил все его предыдущие и последующие работы?

– «Паровоз»? Может быть... – подумав, он добавил: – Уверен, что всякий (или почти всякий) честолюбивый художник, пребывающий в обидной для него тени, мечтает написать свой «Черный квадрат». Вот смотрит такой непри-

знанный гений на всю эту «геометрию» и думает про себя: «А почему бы и мне не найти какой-нибудь неожиданный и, вместе с тем, простой и сильный ход? Ведь удалось же Малевичу!»

И эта мысль придает художнику силы в его отчаянной борьбе за право быть услышанным.

Да, «Черный квадрат» – это воплощение, но только не космического мрака, не вселенского зла, не конца искусства и уж точно не беззвездной мглы над Россией. Это, если угодно, символ надежды, побуждающей талантливую личность к поиску новых путей в избранной сфере деятельности.

В этом и заключается тайна позитивного воздействия на одаренных людей «простого геометрического рисунка»!

Пока мы шли до Инженерного замка, я размышлял, соглашаться ли мне с доводами моего приятеля, либо же пуститься с ним в казуистический спор.

Но, вспомнив, что он – мой гость, счел за благо попросту деликатно переменить тему.

Валун-мститель

Если ехать от забайкальского города Дарасун по старой лесовозной трассе в сторону большой деревни Дровяная, то примерно на середине пути, неподалеку от перевала через хребет Черского, можно увидеть примечательное место, с которым связана одна загадочная история.

Трасса на этом участке опоясывает крутую и высокую сопку, на макушке которой растут могучие лиственницы и амурские сосны, а склон усеян валунами размером с корпус среднего танка.

По другую руку от трассы, под невысоким обрывом, раскинулось клочковатое болото, стиснутое по периметру другими сопками, которые в этом краю словно нахлобучены друг на дружку.

Величественный и, вместе с тем, рядовой забайкальский пейзаж.

Но валун, что поднимается среди этого болота, особенный. Он обращает на себя внимание всех, кто проезжает мимо. Сотни, тысячи таких же валунов покоятся плашмя. А этот стоит вертикально, подобно некоему урбанистическому каменному яйцу, наводя на мысль о памятнике-надгробье. В сущности, так оно и есть.

На рубеже 70-х годов прошлого века, после известных со-

бытий на острове Даманский, началось укрепление советско-китайской границы, в том числе в забайкальском регионе.

Ряд крупных объектов обороны возводилось в районе таежной деревни Дровяная. Трудились здесь не только военные, но и гражданские специалисты: монтажники, наладчики, водители... Зарплату им привозили прямо на просеку. Так было принято. Характерно, что машина с кассиром передвигалась по малолюдной трассе фактически без охраны. Только водитель и кассир.

Так вот, в одной крупной строймонтажной организации наступил день зарплаты.

Кассира ждали около четырех. Но его всё не было. В половину шестого на просеке, у вагончика-конторы, собрался практически весь коллектив.

Около шести часов за поворотом послышался долгожданный гул уазика, а именно уазик начальника участка и был послан в Дарасун за кассиром. Водителем был молодой парень по имени Сергей – человек надежный, ответственный и добрый. Такой не подведет.

Вот машина вылетела из-за поворота. Уазик и есть. Только другой, медицинской службы. Он находился в распоряжении военврача, психолога по специальности, Владимира Михеева, который, между прочим, сам нередко садился за руль.

Уазик подлетел к конторе. Михеев выбрался наружу и

молча осмотрел собравшихся. По его лицу было ясно, что случилась беда.

Вот что рассказал Михеев.

Сергея он встретил около полудня на выезде из Дарасуна. Тот сказал, что денег сегодня не будет, поскольку неправильно оформили платежные документы (подобное случалось и прежде). Поэтому он, Сергей, возвращается на базу, увы, без кассира. Деньги обещали послезавтра.

На том и расстались. Военврач уладил свои дела и около половины четвертого отправился в обратный путь. Подъезжая к болоту перед перевалом, он вдруг почуял неясную тревогу. Осмотрелся. И заметил колею, ведущую к обрыву. Остановил машину у обочины и спустился к болоту.

Надо сказать, что забайкальские болота ничуть не напоминают бездонные трясины Северо-Запада. Здесь это, как правило, неглубокий слой жижи с ягодными кочками, лежащий на вечной мерзлоте. Солнце прогревает воздух до 40 градусов, а ручейки в болотистой низине текут по ледяному ложу!

И вот за одним из таких болотных ручейков, в тени буйного кустарника, Михеев увидел опрокинутый уазик и лежащего на спине с раскинутыми руками Сергея.

Бросился к парню – тот уже не подавал признаков жизни.

Было ясно, что, слетев с трассы, машина кувыркалась. Очевидно, водителя выбросило наружу при последнем кульбите. На лбу у Сергея зияла глубокая рана – след от удара

монтировкой, которая валялась рядом.

Сама по себе рана не была смертельной. Очевидно, она лишь оглушила парня. Умер же он от переохлаждения, поскольку пролежал несколько часов в ледяной воде. Нетрудно было установить, сколько именно. Стрелки на разбитых часах Сергея остановились в 14-00. Нашел же его Михеев около пяти.

В перевернутом уазике врач увидел кусок рогожи, которым и накрыл труп. Затем выбрался на трассу и остановил встречную, попросив водителя передать записку первому же сотруднику ГАИ. А сам помчался на базу.

Сообщив о трагедии, Михеев добавил, что считает своим долгом вернуться к месту аварии, чтобы дожидаться появления милиционеров, ибо тут несомненное преступление.

Далее события развивались так.

Гаишники прибыли к месту аварии поздно вечером. Сделали необходимые замеры, выслушали показания военврача. Уже в темноте осмотрели лежавший на боку уазик. Сошлись во мнении, что тут типичное ДТП, характерное для таежных трасс.

Машину решили оставить на месте до утра – сейчас не было подходящего троса. Не стали поднимать навверх и труп: пусть, мол, утром его осмотрит судмедэксперт. Мол, за ночь ничего не случится. Темень – ни зги не видно! Огородили нехорошее место полосатой лентой и разъехались.

А утром трупа на месте не оказалось. Исчез. Причем, со

стороны трассы сюда не вело никаких новых следов. Все полосатые ленты остались в неприкосновенности. Милиционеры валили на топтыгина, который, якобы, мог придти со стороны сопок. Рогожа, между прочим, тоже исчезла.

Вскоре прошел слух, что на болоте объявился призрак. Сам в рогоже – замороженной насквозь. Лица, понятно, не видать, лишь голубые глаза просвечивают сквозь рогожу и обжигают таким холодом, что сердце заходится. Призрака сразу же прозвали «ледяным человеком».

Рассказывали, что призрак является некоторым водителям среди ясного дня. Возникнет вдруг посреди дороги и стоит не шелохнувшись. Водители в панике тормозят. Призрак с минуту глядит на них, а после исчезает. А бедняг до самого вечера бьет озноб. Не столько от страха, сколько от пронизывающего холода. Один водитель попытался газануть, но его нога сама утопила тормоз. Призрак погрозил ему рукой с разбитыми часами и исчез.

Выходит, это Серега?

В автоколонне заговорили, что парень стал жертвой подлого злодейства. Кто-то затаился на грузовике в стороне от трассы, пропустил вперед уазик, затем нагнал его и сшиб в болото. Кто-то свой, поскольку знал весь распорядок движения. Он же, боясь разоблачения, разбил Сергею голову монтировкой. Затем полез за деньгами, а там – шиш! А теперь, стало быть, Сергей явился с того света и поджидает своего убийцу на трассе, чтобы поквитаться с ним.

Между тем, доктор Михеев начал собственное расследование.

Факты он собирал без лишнего шума, не торопясь. Но круг подозреваемых постепенно сужался. Наконец, после очередного просеивания в сите остался единственный кандидат – некий Валентин Ж., 30-летний франтоватый красавчик, ни в чем предосудительном прежде не замеченный.

Но вот что настораживало. Ни разу после аварии Ж. не проехал по дарасунской трассе, хотя до этого работал в основном на ней. Назавтра после трагедии он встал на ремонт. Затем упросил начальника перевести его на читинскую ветку перевозок, хотя и терял при этом в заработке. Спустя какое-то время начальник снова перевел его на дарасунский маршрут (что было самым обычным делом). Но Ж. снова встал на ремонт, а вдобавок, как выяснилось, подал заявление об увольнении.

Да, твердых доказательств вины Ж. у Михеева не было. И тогда военврач решил провести психологический эксперимент.

Время от времени Михеев ездил по делам службы то в Читу, то в Дарасун. Иногда в этих поездках ему требовался помощник с водительскими правами. Обычно на эту роль всегда соглашался кто-нибудь из гражданских водителей, чья машина находилась в ремонте.

Сейчас Михеев обратился к Ж., сказав, что ехать надо в Читу. Тот охотно согласился.

Выехали после полудня. За руль сел сам Михеев. Только выехав за ворота гаража, он объявил, что планы изменились и ехать нужно в Дарасун. Валентин недобро блеснул глазами, но промолчал.

По дороге Михеев затеял разговор об аварии на болоте, не подавая даже виду, что подозревает Ж.. Тот отвечал односложно и постоянно нервничал.

К болоту подъехали без пяти два, как и намечал военврач. За последние полчаса им не встретилось ни одной машины. Это был «мертвый час», продиктованный условиями погрузки-разгрузки. Идеальное время для дорожного убийства!

Михеев притормозил у той отметки, откуда узик скатился вниз.

– Тебе не кажется, Валентин... – начал он, но договорить не успел.

– Всё вынюхиваешь, доктор?! – злобно усмехнулся его попутчик. – Ну, так слушай правду-матку! Да, это я порешил Серегу! Он узнал меня, вот и пришлось добить! Эх, а ведь проще простого было взять эти денежки! Но кто же знал, что банк подложит такую свинью?! – взгляд его наполнился безумным огнем, в правой руке появился молоток: – Ладно, доктор! Напрасно ты сунул нос в эту историю! Думаю, твой труп обнаружат еще не скоро... А я уже буду далеко. Спасибо за машину! – он замахнулся молотком.

Однако Михеев, владевший навыками боевого единоборства, был готов и к такому повороту событий. Рядом с сиде-

ньем он припас обрезок трубы и сейчас выставил его перед собой, готовясь к схватке.

Вдруг на дороге произошло какое-то движение.

Оба инстинктивно повернули головы.

В десяти шагах от машины стоял он, ледяной человек, накрытый, как панцирем, замороженной насквозь рогожей. От него исходило ощущение вечного холода. (А солнце светило жарко, небо было ослепительно голубым.)

Убийца затих, выронил молоток, затем медленно, будто лунатик, выбрался из машины и двинулся, едва переступая, к призраку, как бы подчиняясь его мысленному приказу.

Призрак стоял в грозном ожидании. Затем сделал неуловимое движение.

Ж. остановился.

Откуда-то сверху послышался шум. С самой макушки сопки скатывался гигантский продолговатый валун, совершая из-за своей неправильной формы жуткие скачки то в одну, то в другую сторону. Вот валун оторвался от склона и буквально завис над дорогой. Казалось, он раздавит сейчас машину всмятку, но Михеев почему-то не испытывал страха.

Внезапно на убийце появилась рогожа, накрыв его с головой. А следом всей своей массой на него обрушился валун. Сбил с ног, прокатился, как каток, затем, совершив еще один прыжок с обрыва, ускакал к середине болота, остановившись на том самом месте, где погиб Сергей. Причем, застыл валун не плашмя, а вертикально – в виде природного обелиска. А

призрак исчез так же мгновенно, как и появился.

На непослушных ногах Михеев приблизился к рогоже. По ее сплющенной форме было ясно, что медицина тут бессильна.

Рассказывать по горячим следам о ледяном призраке Михеев не стал, опасаясь, что его самого пошлют к психиатру. Лаконично обрисовал ситуацию, исключив из нее всякую мистику. Дескать, у него возникли подозрения относительно роли Валентина Ж. В результате тот, мол, признался в убийстве Сергея и пытался показать на местности, как всё происходило. И тут с сопки сорвался валун. Случай...

Лишь спустя много лет, уже выйдя в отставку, Михеев поведал эту историю во всех ее подробностях наиболее близким своим друзьям. Не требуя с ним обета молчания.

Он добавил также, что, по его сведениям, ледяной призрак и поныне появляется на трассе. Возникает он, как правило, перед водителями, у которых на совести есть черные пятна. Призрак внушает этим людям мысль загладить свою вину каким-нибудь добрым поступком.

Что ж, иногда карает и высший суд. По крайней мере, в это хочется верить.

Африка в Северной Пальмире-2003

Хотя наши умеренные широты и не избалованы солнцем, но исключения все-таки бывают.

Вот и в тот год лето в Питере выдалось на редкость жарким. Да что там жарким, знойным! Прямо-таки африканским. Да еще без осадков.

Выпадали такие денечки, когда птицы отказывались летать, асфальт плавился под ногами, а раскаленный воздух над реками и каналами струился и дрожал, превращая строгие очертания набережных в зыбкие миражи.

Всё живое искало спасения от этого неистового пекла.

По выходным город и вовсе словно вымирал. Иную улицу можно было пройти из конца в конец, не встретив ни единого прохожего.

В один из таких дней, притом в час самого палящего зноя, неотложные дела вынудили меня предпринять некое пешее путешествие. Часть моего маршрута пролегла по набережной Обводного канала – от Московского проспекта в сторону Балтийского вокзала.

Обманчивая близость водной артерии, отделенной от тротуара широкой мостовой, ни на йоту не приносила облегчения. Слишком много камня и асфальта было наворочено вдоль его русла, этой стоячей воды, забывшей, что такое шум

проливного дождя.

По левую руку от меня тянулась капитальная, с арочными чугунными вставками, высоченная заводская ограда, желтая, как пески Сахары.

А впереди, в какой-то сотне метров, над тротуаром, по-прежнему безлюдным, нависала кирпичная громада Дома культуры. Сквозь толщу здания вел пешеходный тоннель, длинный и сумрачный, нагонявший обычно чувство смутного беспокойства. Но сейчас его полутемные недра казались мне спасительным оазисом, где хотя бы ненадолго можно укрыться от жгучих лучей.

Помнится, в тот момент я вяло размышлял о том, что привычное название «Северная Пальмира» (а также «Северная Венеция», «Северная столица», «Северная жемчужина» и др.) звучит на таком солнцепеке, по меньшей мере, иронично. В глубинах подсознания трепыхалось более подходящее для такой ситуации определение, но ухватить его «за жабры» никак не удавалось. По причине все той же одурманивающей жары.

Подняв глаза, я увидел, что навстречу мне со стороны тоннеля движется молодой высокий негр в светлом летнем костюме.

Что ж, встретить представителя темнокожей расы на питерской улице – не в диковинку. А по такой «африканской» жаре в этом чудилась даже некая символика.

Удивительно было другое.

Слишком уж неожиданно он появился. Будто материализовался из воздуха. Через тоннель он не проходил, это точно. Иначе я давно заметил бы его.

За шаг до меня он остановился и вежливо поздоровался. Кивнув в ответ, я поинтересовался у парня:

– Ну и как Северная Пальмира, припекает?

В ответ он вскинул большой палец и на вполне сносном русском осведомился, той ли дорогой идет к метро.

Я объяснил ему, где надо свернуть.

Он поблагодарил и двинулся дальше.

Тигель, вдруг понял я! Сегодня наш мегаполис следует уподобить огромному тиглю, этакой гигантской плавильне.

Повернувшись, чтобы продолжить путь, я вдруг увидел рядом с собой трех молодых негров в джинсах и просторных цветастых рубашках. Они оживленно о чем-то спорили, энергично размахивая руками.

Но ведь еще две-три секунды назад их не было на улице! Подобно фантомам, они тоже возникли из ниоткуда!

Парни прошли мимо, будто и не заметив меня.

Я посмотрел им вслед, и меня охватило предчувствие, что сейчас произойдет нечто невероятное, небывалое, экстраординарное. Вот сейчас, через мгновенье...

И точно, я вдруг обнаружил, что нахожусь внутри пестрой, шумной, говорливой толпы африканцев! Молодые мужчины и женщины всех оттенков темной кожи – от эбонитового до бледно-сиреневого, все курчавые; одни в строгих деловых

вых костюмах, другие в теннисках и джинсах, третьи в ярких национальных одеждах заполнили уже весь тротуар и продолжали прибывать невесть откуда!

А где-то поблизости выбивал приглушенную дробь там-там...

Уж не стал ли я жертвой галлюцинаций, спровоцированных неистовой солнечной активностью?

Но нет, вокруг меня были не фантомы, а живые люди. Я различал капельки пота на лицах. Похоже, африканцам тоже не сладко в такую жару. Среди девушек было немало хороших. Их неподражаемая природная грация говорила сама за себя. Одни носили короткую прическу, другие, напротив, щеголяли множеством тоненьких, искусно заплетенных косичек...

Из толпы меня не то чтобы не замечали, но определенно не удивлялись моему присутствию, хотя сейчас я был единственным «бледнолицым братом» в этой среде.

А над Обводным каналом, над Варшавским мостом вибрировало и переливалось горячее марево, размывая контуры прилегающих зданий, придавая им нездешний облик.

Мне чудились дворцы в мавританском стиле, пальмы, барханы, верблюды... Всё громче звучал тамтам... По дороге промчался красный автомобиль спортивного типа с откинутым верхом. За рулем сидела блондинка шоколадного цвета, а с заднего сидения на меня тарасился крупный зеленый крокодил...

Да что же это происходит?!

Мне внезапно вспомнился роман американского фантаста Джека Финнея «Меж двух времен», читанный еще в юности.

Там главный персонаж переносится в другую эпоху не в результате какого-либо уникального научного проекта, не с помощью пресловутой «машины времени», а исключительно усилием воли, «вживанием» в определенные обстоятельства.

Может, и со мной случилось нечто подобное? Может, я тоже перенесся, только не во времени, а в пространстве? Телепортировался в один из уголков «черного континента»? Или же, напротив, этот уголок чудесным образом сам перенесся сюда, к нам в Питер?

Эту сумасшедшую мысль тут же подкрепило еще одно воспоминание.

За несколько лет до этого, тоже летом, в августе, здесь же, в районе Балтийского вокзала, я уже переживал состояние «стрессового переноса».

Хорошо помню, как в тот день я шел к вокзалу от улицы Циолковского.

Когда открылся вид на печально известную улицу Шкапина, я, признаюсь, испытал шок. Ибо там шла война! Окна в домах были крест-накрест заклеены бумагой, повсюду громоздились кучи мусора и битого кирпича, а между «ежами» из сваренных рельсов перебежали автоматчики в гитлеровской форме. Да как же такое возможно?!

Впрочем, в тот раз всё быстро разъяснилось.

На Шкапина немецкие киношники снимали эпизоды фильма «Бункер» о последних днях Третьего рейха. В своей благополучной Европе подходящего городского пейзажа для военных сцен они не нашли, а в Северной Пальмире – пожалуйста!

Они-то и создали масштабные уличные декорации, пригласили в массовку несколько тысяч статистов.

Да, но сейчас-то, на Обводном канале, никакого кино не снималось!

Едва я вошел в пешеходный тоннель, куда не проникало коварное солнечное излучение, как «чары» начали рассеиваться. Слева от тоннеля располагался вход в дворик здания, откуда, собственно, и вытекала толпа. Там же красовался рекламный щит с объявлением, извещавшим о собрании землячества.

Итак, это было традиционное мероприятие, момент окончания которого чудесным образом совпал с определенной фазой моего маршрута. Дворик сам по себе узковат, притом, что обзору препятствовала высоченная заводская ограда. Оттого и создавалась иллюзия, будто народ возникает из ниоткуда. Звуки, похожие на дробь тамтама, могли доноситься из расположенной неподалеку автомастерской. Пальмы и барханы – оптический обман. Ну, а зеленый крокодил в красном автомобиле был, надо полагать, надувным, резиновым, и мчался, очевидно, со своей белой, но дочерна загоревшей хозяйкой к какому-нибудь водоему...

Всё находило свое реальное, логичное объяснение. Как и прежде, с «войной» на улице Шкапина.

Но всё ли?

А как же предчувствие того, что вот-вот свершится нечто необычное?

И вообще, не слишком ли много сошлось совпадений?

Такое впечатление, что кто-то направлял события по заранее подготовленному сценарию.

Но зачем, с какой целью?

Я и поныне не могу избавиться от ощущения, что на какое-то неуловимое мгновение передо мной открылась дверь на ту «кухню», где таинственный «повар» стряпает разного рода парадоксы.

Открылась и снова захлопнулась.

Когда я смотрю фильмы Хичкока...

Всякий раз, когда я смотрю фильмы Альфреда Хичкока, классика жанра «триллер», мне кажется, что я соприкасаюсь с истоками творческого воображения. Полусвет, полутьма, в которой появляются и пропадают смутные образы, звучат таинственные голоса, слова, ушедшие в небытие, вновь обретают смысл, освобождаясь от ненужной шелухи, всплывают, находят четкое выражение мысли и уходят в глубину души. И я, затаив дыхание, оглядываюсь по сторонам.

Постепенно волнение утихает. Я готов признаться, что за пределами нашего воображения, существует целый мир, сложный мир. Он полон неуловимых теней, изменчивых образов, загадок и тайн. Тайны эти напоминают тьму: пока глаза не привыкнут – не различаешь ничего. Род человеческий, склонный слишком много воображать о себе, называя свое существование – Жизнью. Напротив, имя ему – Незвестность. Ее недоступные взгляду разведчики снуют повсюду, невзирая ни на какие преграды, измышленные человеческим разумом, они являются, когда хотят, заставляя нас затаить дыхание, и с придирчивостью ювелира изучают законы и правила нашего внутреннего мира, его формирования, наши успехи и недостатки. Полученные сведения направляют в свой мир. Если эти сведения доказывают узость исследованного мира, слабость жизненных возможностей, «разведчи-

ки» любимым способом исчезают. Если же получается наоборот, очень скоро, одна за другой, приплывают формы жизни, приспособленные к условиям царства Неизвестности. Одолев встреченные на пути препятствия, слившись с коренными элементами, они исчезают. В результате нам является видение еще не существующей жизни.

Таким образом и Хичкок входил в пустоту моей жизни. Поначалу – сомнение, удивление, изумление. А затем повергало меня в панику! Думать, искать, сравнивать. Искать ответы на вечные вопросы – вот к чему она призывает меня!

- Что такое жизнь?

- Вы что-то сказали?

- Не слышу - сказал я кому-то, сидящему рядом со мной.

В такое положение я попадал не раз – во мне живет чувство Надзора. Это чувство просыпается на улице и дома, на службе или, как сейчас в кинолектории Дома Знаний – повсюду, как верная собака, оно со мной.

В школе, подростком, я почувствовал его как некую способность. Если учитель вдруг велит встать и повторить последние сказанные им слова – я-то справлюсь, пострадает сидящий рядом одноклассник, с которым мы перешептывались.

Вот и сейчас в темном углу я мысленно сочиняя эссе о Хичкокеи в то же время не упускаю ни одного кадра ни одного мига событий, происходящих на экране. Я видел невидимое, угадывал. Вот она раздевается, обнаженная входит в ван-

ную комнату Через отверстие в стене соседней комнаты за ней наблюдает хищный взгляд Вот она уже скупалась и вдруг словно лань, увидевшая волкаона в ужасе. Вот из-за занавески показывается человек-призрак. Сверкнул нож в поднятой руке убийцы! Пронзительный вопль-стон – как гвоздь входит в дерево, бьет по нервам.

Ладно, пусть события продолжаютсЯ. Во что это, почему? Глаз, подглядывающий в щельрука , поднявшая нож.

Исчезающее чувство Времени и Равновесия – что это? Пустота? Если неясность сменится определенностьюесли пустоту ничем нельзя наполнить, само воображение на обратиться в пустоту?

Когда выхожу, наконец, на улицу, чувство такое словно побывал в морге. Жадно дышу по осеннему свежим воздухом. Городские шумы, птичье чириканье ласкают слух. Кажется жизнь стала инойобрела новое очарование

Почти год я мечтал написать эссе о Хичкоке. И вот в течение двух часов я мысленно уже написал. Поверил в себя. Я рад безмерно. Хочется поделиться с кем-нибудь своей уверенностью. Эссе будет, оно получится.

Мой друг, работающий в редакции газеты, живет не слишком далеко от меня. Иду к нему. По сути повторяю мысленно страницы моего будущего труда.

Вхожу, а мой корифан сидит в позе роденовского «Мыслителя». На столе перед ним беспорядочно рассыпаны листки рукописи. Увидев меня, он просиял. Вскочил с места, ки-

нулся обнимать, приветствовать.

- Заходи, заходи! Легко на помине, о тебе я как раз и думал, друг!

Поспрашивали, как дела Я устроился на стуле рядом.

- Ну, все в порядке? Вижу, муза вдохновения к тебе явилась, а?

- Не спрашивай, сам все скажу! – он не мог сдержать радость. – Что там муза, тут дело чудесней.

- Ну и ну? – я был заинтересован. Но в душе царапало желание побыстрее рассказать, как у меня сложилось эссе.

- Что тут сказать? Усталость сморила, два часа назад я сидел, подремывал. Сон не сон, явь не явь-темнота. И вдруг передо мной – огромный киноэкран.

Я засмеялся.

- Вот оно как! Интересно.

- На экран идет фильм. Одна шикарная чмара хапнула у себя на работе изрядную сумму и порвала когти из города. Сначала

И он начал рассказывать со всеми подробностями, только что увиденный мною фильм «Психо» - страстно, увлеченно. Я был ошарашен – еще бы! Он говорил все то, что я собирался ему рассказать! Сердце отчего-то встревожилось.

- Это все ладно, но представляете, братан, в течение двухчасового «зрелища» в моем мозгу родились мысли, которые прежде никогда не появлялись чужие мысли! Они копились, множились. Они украли мой покой! Сначала разбро-

санные, как табун диких коней в степи, постепенно собирались воедино. Выражения, фразы так и сыпались! От них исходило дыхание другой жизни. Я же, со своей репортерской страстью, вон на тех листках все записал. Потом вдруг мой мозг освободился, опустел. Я стал перечитывать свои записи и глазам не поверил – получилось прекрасно, а как это получилось, не могу понять. Веришь нет – вспомнил о тебе. Подумал. «Мой приятель – любитель таких вот явлений». Собираясь отправиться к тебе, а тут ты сам явился!

- Ну-ка, ну-ка, - сказал я нетерпеливо, - читайте, что там у вас получится? Читайте

Он собрал разбросанные листки, сложил по порядку.

Глубоко вздохнул и начал читать:

- Эссе о Хичкоке. Каждый раз, когда я смотрю фильмы Хичкока.

Рай поэтов

Над вымыслом слезами обольюсь.

А. С. Пушкин

Но я люблю – за что, не знаю сам

М. Ю. Лермонтов

Школьная подруга моей жены, библиотекарь Яна Игоревна, привезла из Петербурга помятую густо исписанную тетрадку, которую подняла во дворе возле мусорных баков. «Кто-то выбросил, – объяснила она. – Мне показалось – избавились напрасно. Я не всё поняла, здесь о стихах, о поэтах, в каком-то странном лабиринте. Но тот, кто написал, человек интересный, из прошлого века – значит, история, а историю нужно беречь. Посмотри, может быть, ошиблась» Не откладывая в долгий ящик, находку Яны Игоревны я прочитал и решил вынести на беспристрастный суд читателей.

Мне по жизни страшно везло. Даже предположить невозможно: простого шоферюгу, который даже десятилетку не закончил, приняли в Союз писателей! На съезде творческой молодёжи я всего-навсего прочитал стихи, посвящённые друзьям по армейской службе, да спел под гитару несколько песен собственного сочинения. Меня, впрочем, охотно печатала молодёжная газета, это, наверное, добавило шансов. Вот и результат – представляете, я не кто-нибудь, а профессиональный писатель! Мне на радостях в качестве премии

вручили путёвку в санаторий – отдыхай и вдохновляй своим творчеством тружеников города и села. И опять удача – близко знакомясь с красавицей из Ленинграда, с помпой переезжаю в знаменитый исторический центр. Хожу по улицам, площадям, стараюсь вживую представить ушедшую быль. В один из редких солнечных дней добрался до Литейного; после экскурсии на Мойку, 12, к Пушкину, захотелось посетить Дом Николая Алексеевича Некрасова, которого, скажу откровенно, почитал особенно. В голове навязчиво закрутилось: «Отец, слышь, рубит, а я отвожу» Ладно, рубим дальше.

На Литейном, до музейной квартиры немного осталось, вдруг вижу перед собой высоченное сооружение в виде бутылки. На этикетке засверкали буквы – «Литературный лабиринт». Чуть пониже вывеска:

Не обидься. Ты пока не Пушкин.

Не Толстой. Не Шолохов пока.

Размышляю: а чего, собственно, обижаться? Всё абсолютно правильно. Но почему – пока? Второго ни Пушкина, ни Толстого, ни Шолохова не будет Следующая вывеска заставила задуматься:

Кто хоть раз назвал себя поэтом,

Тот всю жизнь в долгу перед людьми.

Странно. Сам себя я никогда не называл поэтом, называли другие. О каком долге идёт речь? По-моему, долг один-единственный – хорошо пиши

– Интересуетесь? – прозвучал за моей спиной красивый баритон. – Великолепный аттракцион – «Пойдёшь – не вернёшься». Если начал сочинять – всё, ты погиб. Но для тех, кто возвращается, – вселенский приз: полное собрание сочинений! На все века.

– У меня всего две тетрадки, – смущённо говорю я и во все глаза смотрю на человека, наряженного под Александра Сергеевича: чёрный цилиндр, волнистая накидка, прогулочная трость. Даже знаменитые бакенбарды! Но это, увы, не Пушкин.

– Ну так что? – спрашивает наряженный. – Полезешь в бутылку? Рискнёшь?

Я, да не рискну?! Где наша не пропадала! И собрание сочинений будет!..

– До скорой встречи! – бросаю тому, кто в цилиндре, и берусь за холодные металлические перекладки – предо мной лестница в несколько этажей. Усердно работаю ногами, карабкаюсь, а ступеньки налезают, не хотят заканчиваться. Зверски устал, на секунду замер – и опять, уже с трудом, поднимаю онемевшие конечности. Наконец, ухватился за край горлышка, нырнул с головой. Чувствую – лечу, переворачиваюсь, вот-вот смертельно шлёпнусь. Даже не поверил, когда туфли упёрлись в дощатый пол и в полутьме я разглядел просторное кресло, а в нём миловидную женщину со спицами в руках и пушистым вязанием.

«Дежурная», – догадался я.

Она спрашивает:

– Стихи? Проза? Драматургия?

– Стихи, – робко отвечаю я.

– Тогда направо.

С левой стороны хлынул то ли плач, то ли стон – громкие голоса восторга и рыдания.

– Не обращайтесь внимания, – поспешила объяснить дежурная. – Законная радость. Капитана третьего ранга приняли в Союз. – Спицы призывно сверкают, просятся в стихи. – Идите же! Советую начать с «Детской комнаты». Дверь открыта. Слышите, как работают мастера?

Бегом направляюсь к распахнутой двери, из которой дискантом вылетает вопрос: «Что же получается?» Следом сразу же, мощным хором, – ответ: «Лягушка лягается!» Хочу рассмотреть лица – не могу, вся толчея обращена ко мне затылками – в кепочках и без – так сказать, причёски с обратной стороны. Кто-то говорит (я не вижу): «А сейчас послушаем стихи в авторском исполнении. Прошу!» Негромкий хрипловатый голос заговорил:

Трясёт Антон антоновку,

Серёжка-друг вздыхает:

– Ну почему серёжески

На свете не бывает!

Грянули аплодисменты. Опять взвивается невидимый дискант: «Это не всё! Творческое волшебство только начинается. Что мы знаем о домашних помощниках? Мягкие, лёг-

кие, удобные, незаменимые!.. А если их наденет директор школы? Для ребёнка – это что-то невероятное. Разве директор школы ходит в домашних тапках? Давайте стихи!» В тишине вкрадчиво зашаркали слова: *"Я видел директора в тапочках! Он тряс во дворе половик."*

Детям и детским писателям это познавательно, интересно, а я заскучал. Дружные рукоплескания оставил позади и двинулся дальше. Над головой, на немыслимой высоте, зияет отверстие, через которое проник в таинственный, запретный для рядовых обывателей мир. Отверстие отсвечивает желтизной, напоминает луну, но сосредоточиться на сравнении не позволяет вывеска над входом – «Литературная роща». То, что надо! Осторожно заглядываю. Помещение забито до отказа, не протиснуться. Впереди, вероятно на помосте, высокая красивая поэтесса напевно читает:

Весна развенчивает мысль о чистоте:

Собачьи метки на газоне вместо снега

Восторженные аплодисменты благодарят необычайно зоркого автора, а я наивно соображаю: сколько должно быть меток, если не видно снега? Даже повеяло неприятным дворовым запахом.

На постамент восходит поэт в тёмно-зелёной гимнастёрке, грустно произносит каждое слово; в память беспрепятственно вливаются весенние образы: *"Март ручьи распустил, как тесёмки кальсон, И в исподнем пошёл по дворам"*

Гениально! Март без штанов, в одних кальсонах, шлёпает

по весенним лужам Но где же стихи о человеке, о его жизненных делах и думах? Пойду поищу. В коридоре заметил вывеску – «Актуальные раздумья». В обширной комнате тоже не пропихнуться, но можно услышать, что-то разглядеть. А что разглядывать: поэты – обыкновенные люди: высокие и низкие, толстые и худые, лысые и кудрявые Мне без разницы. Воспринимаю только слова, только рифмы. И сразу же, на ловца и зверь бежит: И думалось – зачем плывём, куда? Новый, решительный голос сбоку добавил пищу для размышлений:

*Зарифмую нашу боль,
Брошу на продажу,
Арлекин я, не король –
Разгуляюсь в раже.*

Арлекина сменила задумчивая поэтесса: "*О прошлом писать не хочу, / О завтрашнем дне – не умею*"

Честно скажу – такая нахлынула тоска, ложись и помирай. А я человек – открытый всем ветрам, нет ли чего-нибудь веселее? Опять – в коридоре, под вывеской – «Не в бровь, а в глаз». Протискиваюсь, прислушиваюсь.

*Посыпались находки:
Разматюжно и нелепо
Пляшут люди у пивточки*

Следующий автор, судя по овациям, более находчивый: "*Очень долго снимаешь ты платье!.. / Двадцать лет!..*"

Потянуло запахом алкоголя, как же без него: "*Виноград-*

ную аллею дегустирую в стихе"

А вот и наблюдение на пустом месте:

Мы встретились – и ничего

Мы разошлись – и ничего

Решительно направляюсь к дежурной. Спицы мелькают, а внимательные глаза устремлены на меня. «Спасибо, – говорю, – за радушный приём. Нельзя ли вернуться? Хотелось бы навестить квартиру Некрасова». – «Не торопитесь, к Некрасову всегда успеете. Вы же не заглянули к самым-самым! Не полюбовались «Поэтическим жемчугом», не побывали на Олимпе! Нехорошо».

Я устыдился, пройти мимо настоящего жемчуга – в самом деле нехорошо, как бы потом не пожалеть. Заглядываю в переполненный зал (это уже не комната!) и замираю от бешеной находки: "Пень в небо раскорячил корни"

Не успел отдышаться, как следует осмыслить, слышу – градом летят в меня сердцебойные снаряды:

Чревочёсы, мракомесы, поедатели белил,

Горбуны, строфокамилы, струг с персидскою княжной

Будь я проклят, если с вами хоть когда-нибудь делил

Это лето, это небо, этот жребий раздвижной...

Ух, как шарахнуло! Не понял только про персидскую княжну и раздвижной жребий. Едва очухался, ударили по мне снаряды меньшей убойной силы: "И каждая собака задней лапой/Нам честь отдаёт у каждого угла!"

Следом загадочно звучит мужской голос: "Саксофон, по-

хожий на безгрудую сирену./Какая же сирена без груди?"

Боевой женский подголосок старается увести от «мужской» темы: *"Струится, вихрится, блудится сама,/Кудрится она, егозится зима."*

Завершает мощным ударом всё-таки мужчина: *" Индюк соплями изошёл"*

Всё, с меня хватит. Это, наверное, мастерство высочайшего уровня, но как применить к себе? Если начну «кудриться», меня не поймут

Пулей вылетаю к дежурной. Она, не переставая вязать, удивляется моему нетерпению. «Нельзя же так! Вы собираетесь на вершину, но даже подножия не одолели! Оглянитесь, что там написано? «Даёшь Олимп!»

Конечно же, возвращаюсь. Конечно же, согласен: нельзя игнорировать современную классику, меня засмеют.

Олимпийский зал тоже под завязку – яблоку негде упасть. Кто-то на сцене выступает – тихо, вкрадчиво:

Есть памятник в Таврическом саду

Есенин здесь таинственный и нежный

Радуюсь – это действительно классика. Даже памятник может глубоко растрогать:

И хочется Серёгу мне обнять,

С ним водки выпить чарочку-другую

Верно, чарочкой с великим и начинается великое, настоящее творчество Из зала поднимается на сцену другой счастливый поэт, звучит поистине сложное словотворчество: *"Лы-*

сый пёс поведёт против нас/Королей, офицеров и пеших"

Стараюсь понять: лысый – о собаке? (Лысых собак не видел.) Поведёт – против кого? Как совместить лысую собаку и шахматы? Однако размышлять некогда. Следующий поэт рассуждает о жизни – как то загадочно, лёжа на диване: *"И жизнь мне кажется, когда встаю с дивана,/Улиткой с рожами и вытекшей к тому ж"*

Страшно представить – вытекшая жизнь. Что осталось – пустая раковина? Мучительно соображаю Не заметил, как по ступенькам поднялся новый автор и совсем уж загадочно, не по-русски заговорил: *"Мой – дитя./Мой – не мать./Мой – не жизнь"*

Теперь-то можно закругляться. Впечатлений – выше крыши. Думаю о спасительной луне на недостигаемом небосклоне, выскальзываю в коридор. Откуда-то из глубины донеслись стоны, неуверенные крики о помощи. Что случилось? Бегу! Чем могу – помогу! Но немедленной помощи не потребовалась: в пустом пространстве – милая, симпатичная, невысокая женщина средних лет, прижав к груди аккуратные ладошки, страдальчески произносит: *"Ко мне убийца приходил/С букетиком ромашки"*

Лицо открытое, почти детское, но взгляд острый, устремлён на меня, как будто именно я приходил с криминальным букетиком. Мне стало не по себе. Как в сказке, из небытия вынырнул спаситель, заслонил басом ни в чём не повинную поэтессу: *"Я сам себя травлю нещадно ядом/Искусства,*

равнодушного к судьбе"

Сверху невидимый женский голос прошептал: *"Кто станет плакать о тебе?/И о себе никто не плачет"*

Как после таких откровений сохранить хорошее настроение? У меня, к сожалению, не получается. Бегу к дежурной – буду требовать эвакуации.

А черноглазая (наконец-то разглядел!) вязальщица через сверкающие спицы опять укоряет:

– Как я с вами устала. В журнал заходили? В наш самый толстый? Так и знала – нет! Искать не надо, там, где автографы. Успехов!

Разволновался, постучал в дверь, сплошь расписанную автографами побывавших здесь авторов. Как и положено, за столом – хмурый, остролицый, много чего повидавший редактор. Сурово спрашивает:

– Что у вас?

– Не успел записать, - нашёлся, что ответить, и попросил:
– Можно, прочитаю?

– Положено на бумаге. Ладно, если не очень длинное, послушаю.

Набираю полную грудь воздуха, читаю стихотворение о вечеринке парней и девушек, которые, вместо труда на молодёжных стройках, прожигают жизнь с вином и танцульками. Печальным аккордом завершаю:

А розы – розы тихо умирали

В кровавой липкой лужице вина

Редактор мрачно покачал головой и вынес вердикт:

– Собралась молодёжь – пусть веселится. Что в этом плохого? Отдыхают по-разному. Похвально, кое-что вы подметили: вино не только кровавое, но и липкое. Прочитайте что-нибудь ещё.

– Ещё? Пожалуйста.

Избушка лесника на сильных курьих ножках,

Открой секрет, за что тебя люблю?..

– Достаточно, – остановил редактор. – Скажу прямо – вы не полный ноль, что-то есть, но этого мало, очень мало! До свидания. – Редактор уткнулся взглядом в разложенные на столе рукописи, а я попятился к выходу. Толкнул спиной дверь, развернулся и чуть не упал – со всех сторон кололи осуждающие глаза.

Справа и слева зашуршало: «Не наш! Не наш!..» Узнал дежурную, она мягко говорит:

– Вы просились домой? Катапульта готова.

Описывать дальнейшее не имеет смысла. Вылетел, как пушечный снаряд. Пошло и поехало. Развёлся с женой, поскольку бросать северную столицу не хотела. Сел за привычную баранку. Продолжаю писать и печататься. Твёрдо для себя определил:

Я не поэт, а просто стихотворец –

Пишу о том, что трогает меня.

А трогает меня буквально всё – и лес, и поле, и родник, и трава-мурава.

Но особенно – простой человек, его лицо, его привычки, его необозримое прошлое. Разве этого мало?..

Медная пепельница

Леонид Воронин, симпатичный русоволосый холостяк, на праздновании собственного тридцатилетия торжественно объявил своим гостям, что, начиная с текущей минуты, бр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.